

И. И. МУЛЛОНЕН (Петрозаводск)

О ВЕПССКОЙ АНТРОПОНИМИИ (ОПЫТ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Вепсский дохристианский (нехристианский) именован на фоне достаточно хорошо известных по письменным памятникам и относительно исследованных финского, эстонского, карельского известен мало. Это обусловлено, прежде всего, малочисленностью его следов в ранних письменных документах, дающих лишь фрагментарное представление о его содержании. Среди наиболее ценных источников по средневековому вепсскому именовану — Писцовые книги Обонежской пятины XV—XVI вв., однако поскольку вепсские антропонимы подводятся писцами в массе своей под русскую антропонимическую модель, они не всегда адекватно отражают оригинал. Очевидно, для более полной картины о системе вепсских имен необходимы дополнительные сведения из других источников. Среди последних — современные вепские фамилии (*Габуков, Рямзин, Герчин*), а также чрезвычайно показательные в смысле выявления следов вепсского именованна т. н. неофициальные, или «уличные», фамилии типа зафиксированных у прионежских вепсов *Koñdijahne*, рус. *Медведев*, ср. *koñdi* 'медведь', *Reboihine*, рус. *Лисицын*, ср. *reboi* 'лиса', *Käbedahne*, ср. *käbed* 'красный, красивый', *Ropakohne*, ср. *ropak* 'оспина (рябина) на лице'. Еще один ценный источник, в котором законсервировалась вепсская антропонимия, — это географические названия. В данной статье внимание привлечено к вепсской л-овой ойконимии (названия поселений типа *Karhil, Vilhal, Čagil, Nürgoil, Hundal* и др.) как материалу для реконструкции древних вепсских имен и прозвищ. Информативность этого топонимического типа обусловлена несколькими моментами. Средневековый тип поселений на севере — это малодворные (первоначально однодворные) деревни, в названиях которых естественным образом закреплялось имя основателя или владельца. По мере роста деревень, увеличения количества дворов название двора-печища переносилось на всю деревню, а затем и на куст деревень. Поэтому ойконимия сохраняет во множестве старые антропонимы, что в полной мере относится и к прибалтийско-финской л-овой ойконимии, которая в массе своей представлена антропонимическими образованиями (Nissilä 1962 : 91). Отличительная особенность л-овой ойконимии в прибалтийско-финских языках, в том числе и в вепском, где ареал ее распространения охватывает южное Присвирье, причем плотность его ослабевает по мере удаления к южной и восточной периферии вепсской территории и совершенно затухает в Прионежье, у северных вепсов (Муллонен 1987 : 158—159) — это особенная интенсивность ее в местах более раннего оседлого земледельческого освоения. В силу этого она представ-

ляет значительно больше возможностей для выявления дохристианского именослова, чем более поздние ойконимические модели. Показательно, что среди л-овых вепских ойконимов после тщательных поисков удалось обнаружить лишь единичные относительно достоверные случаи закрепления в названии календарного имени (*Kikoil, Jerl*). Абсолютное большинство поддающихся этимологии вепских ойконимов на -л содержит в основе нехристианский антропоним.

Обращает на себя внимание множество — около 50% — неэтимологизирующихся вепских ойконимов на -л. Теоретически в их числе можно предполагать семантически самые разные мотивы номинации, хотя все-таки, принимая во внимание господство отантропонимического способа образования среди этимологически прозрачных ойконимов, а также тот факт, что древний вепский именослов известен лишь в общих чертах и в этих условиях трудно установить имя внутри ойконима, надо признать большую вероятность преобладания отантропонимических ойконимов и среди этих затемненных названий.

Выявление следов вепского именослова в л-овой ойконимии проводится на фоне родственных прибалтийско-финских систем, а также с учетом общих принципов и особенностей, характерных для дохристианской (нехристианской) прибалтийско-финской антропонимии. Необходимо отметить, что сложно провести четкую границу между прозвищами и нехристианскими личными именами. Показательно, что исследователи древней прибалтийско-финской антропонимии по-разному определяют состав личных имен людей. У А. В. Форсмана это сотни личных имен, восходящих к апеллитивам с самой широкой семантикой (Forsman 1891). Д.-Е. Штёбке, наоборот, доводит число их до минимума, выделяя 23 личных имени, а все остальные относит к прозвищам (Stoebke 1964). Э. Кивиниemi, замечая, что границы между древними личными именами и прозвищами чрезвычайно зыбки, склоняется к тому, что число достоверных дохристианских личных имен невелико, в то время как многочисленны антропонимы, могущие восходить как к личным именам людей, так и к их прозвищам. Система прозвищ была чрезвычайно развита в древнем прибалтийско-финском мире, во многом заменяя собой систему получивших распространение позже фамилий. С особой силой она проявила себя у восточных прибалтийско-финских народов. Распространение родовых прозвищ здесь было вызвано передвижениями населения, связанными с подсечным земледелием, а также долго сохранявшимися большими семьями (Kiviniemi 1982 : 55). Таким образом, и личные имена, и прозвища — важные составные элементы древней системы именования, а поскольку и те, и другие активно участвовали в образовании ойконимии, выявление их посредством этимологического анализа названий вепских поселений одинаково оправдано.

Для части вепских топонимов отантропонимическая интерпретация, поддержанная данными родственных именословов, налицо. Ниже приводятся некоторые примеры реконструированных вепских антропонимов.

**Harag*: дер. *Harag(a)l*, рус. *Харагиничи*, в верховьях р. Капши. Восстанавливающийся в основе вепский антропоним восходит к апеллитиву *harag* 'сорока'. Бытование данного антропонима в вепской среде подтверждается известной у прионежских вепсов «уличной» фамилией *Haragohne* (рус. *Сорокин*), а также данными родственных именословов, например, получивший широкое распространение в Приладожье антропоним *Harakka* (Nissilä 1975 : 135).

**Hüb'joi*: дер. *Hüb'joil*, рус. *Юбеничи*, на верхней Ояти. Древнее имя или прозвище восходит к вепс. *hüb'j* 'сова; филин', оформленному

характерным *oi*-овым антропонимическим показателем. Ср. финские и карельские антропонимы *Huuhkain*, *Huypä* с той же изначальной семантикой апеллятива (Nissilä 1975 : 135).

Härgoi: урочище *Härgoil* в верховьях Ояти, в окрестностях с. Ладва. Вепсский антропоним *Härg(oi)*, зафиксированный Л. Кеттуненом (Kettunen 1955 : 52), восходит к вепс. *härg* 'бык; самец лося'. Еще одно свидетельство бытования антропонима у вепсов — «уличная» фамилия *Härghiñe* (рус. *Быков*) в вепском Прионежье. Вепсский антропоним имеет финские параллели: *Härkä* (Forsman 1894 : 126, 249), *Härkönen*, *Härkälä*, *Härkänen* (SN). Название расположенной в окрестностях г. Олонца дер. *Härgeilü*, очевидно, косвенным образом свидетельствует в пользу бытования антропонима и у карелов-ливвиков.

**Kokoi*: урочище *Kokoil* в с. Озера на Ояти, бывшая деревня. В основе антропонима реконструируется одно из наиболее распространенных, судя по средневековым письменным документам, древних прибалтийско-финских личных имен: фин. *Kokko*, *Kokkoï* (Forsman 1894 : 127, 249), эст. *Koock*, *Cock(e)*, лив. *Kocke*, *Cokes* (Stoebke 1964 : 38—39), восходящих, видимо, к апеллятиву с семантикой 'орел'. Олонецкая топонимия, в том числе дер. *Kokkoila* (СНМ 1933), указывает на бытование антропонима у карелов-ливвиков. Вепсский ойконим *Kokoil* (см. ниже также *Коквичи* на Капше, в ареале бывшего вепсского расселения) подтверждает функционирование имени **Kokoi* и в вепсской среде.

**Noid*: дер. *Noidal*, рус. *Нойдала*, в верховьях Капши. Антропоним, восходящий к вепс. *noid* 'колдун, колдунья', имеет во всяком случае финские параллели: *Noita*, выступающее в одном ряду с семантически однородными *Arpoi*, *Tietävä*, *Tuntia* и др. (Forsman 1894 : 247).

**Ozroi*: дер. *Ozroil* ~ *Ozroil*, рус. *Озровичи*, на Капше. Вепсский антропоним сопоставим с фин. *Ohra*, *Ohro* (Forsman 1894 : 250, 221), эст. *Odra* (Palli 1959 : 608), ср. вепс. *ozr* 'ячмень'.

**Rahkoi*: дер. *Rahkoil*, рус. *Рахковичи*, в верховьях Капши. Просматриваемое в ойкониме древнее имя восходит, очевидно, к апеллятиву *rahkoi* 'мифическое существо, домовый'. Антропоним неоднократно фиксируется в документах, относящихся к территории средневековой Финляндии (Forsman 1894 : 129), в материалах XVI в. по Карелии упоминается *Гридка Рахкоев* (Попов 1949 : 57); *Рахой* — один из вариантов имени героя пудожских преданий о Рахкое из Рагнозера (Чистов 1958 : 358—388).

**Reboi*: дер. *Reboil*, рус. *Ребовичи*, на Капше. Бытование вепсского антропонима, в основе которого вепс. *reboi* 'лиса', подтверждается аналогиями из родственных именословов: фин. *Repo* (Forsman 1894 : 139, 250), на Карельском перешейке и в Приладожье *Repo*, *Repoinpoika* (Nissilä 1975 : 129, 132), эст. *Rebbe*, *Rebbenn* (Stoebke 1964 : 64), *Rebbane* (Palli 1959 : 608), в писцовых книгах Карелии в Пиркиничах на Свири назван *Данилка Ребуев* (Мюллер 1947 : 69). Следы имени обнаруживаются и в «уличной» фамилии *Reboihñe* (рус. *Лисицын*) у прионежских вепсов.

Приведенные этимологии достаточно однозначны и выявляющиеся в составе географических названий древние антропонимы, видимо, в целом не вызывают сомнений. Естественно, далеко не вся вепсская *л*-овая ойконимия столь прозрачна. Некоторые названия не поддаются интерпретации (*Sondal*, *Čaigl*, *Šigoil*), другие допускают иные, непосессивные мотивы номинации. И все-таки, если исходить не из одного отдельно взятого географического названия, а из топонимического — в данном случае ойконимического — типа, предлагающего

единые для всего типа правила образования и функционирования топонимов, то надо признать наиболее плодотворными поиски антропонимических истоков называния. То есть в данном случае сам ойконимический тип, выступая показателем отантропонимического способа образования, увеличивает реальность антропонимических реконструкций. Приведем несколько примеров, допускающих возможность отантропонимической интерпретации.

Karhil, рус. *Каргиничи*, дер. на Свирско-Оятском водоразделе. По-видимому, в основе надо искать антропоним, аналогичный известным по документам XVI в. на территории Карельского перешейка антропонимам *Karhi*, *Karhinen*, *Karhiainen*, а также распространенному тогда же в юго-западной Финляндии прозвищу *Karhia*. Согласно SN, приводящему эти сведения, прозвище, перешедшее затем в фамилию, могло присваиваться человеку с жесткими, грубыми волосами или бородой, ср. фин. *karhea* 'шершавый, грубый'. То, что данная лексема не известна современным вепским говорам, не может, видимо, служить достаточным основанием для неприятия этимологии: упомянутый ойконим может представлять собой как раз след былого функционирования слова в языке. Не исключен и тот факт, что истоки некоторых вепских антропонимов находятся не непосредственно в вепском языке, но в более глубоком праприбалтийско-финском состоянии.

Korvoil ~ *Korval*, рус. *Корвала*, деревня в верховьях Капши. В пользу отантропонимического источника топонима говорит предшествующий *л*-овому форманту уже упомянутый показатель *-oi*, характерный для прибалтийско-финских антропонимов. В качестве возможной этимологии предлагается вепс. *korv* 'ухо', закрепление которого в функции прозвища *Korv(o)* могло быть вызвано особенностями внешности человека. Заметим, что SN считает возможной подобную интерпретацию для финской фамилии *Korva* (SN).

Nürgoil, рус. *Нюрговичи*, дер. на Капше. Заманчиво сопоставление с карельским и финским антропонимом *Nyrhi* (SN). Антропоним прозвищного характера *Nyrhi* зафиксирован и у северных карелов в с. Чикша Калевальского района КАССР (Картотека Карельского филиала АН СССР). В качестве источника можно предложить кар. *nyrhi* 'туго соображающий, неумный человек', восходящее, в свою очередь, к *nyrhi* 'тупой, сносившийся топор или нож' (SKES; KKS). Подобная семантика, указывающая на характерную особенность человеческой личности, как известно, часто служила основанием для появления прозвища. Ср., к примеру, семантически аналогичные пейоративные антропонимы *Hullu*, *Hölmö*, *Moukka*, *Hölkö*, *Pölhö* ('недалекый, глупый человек'), обильно представленные в средневековых документах на территории Карельского перешейка и Приладожья (Nissilä 1975 : 146—147). С учетом фонетических закономерностей, однако, более оправдана другая интерпретация топоосновы, связанная с вепс. *nürkta* (*nürgub*) 'канючить, надоедать, клянчить, нуть' (SKES). Отглагольное имя, обозначающее человека с соответствующими качествами, — реальная основа для появления антропонима. Дополнительным косвенным аргументом в пользу отантропонимического происхождения ойконима можно, очевидно, считать ту особенность вепской ойконимии Капши, т. е. того микрорегиона, где функционирует интересующий нас топоним *Nürgoil*, что абсолютное большинство здешних названий поселений — это *л*-овая ойконимия отантропонимического происхождения (*Reboil*, *Ozroil*, *Haragal*, *Rahkoil*, *Noidal*, *Korvoil* и др.); в этом смысле *Nürgoil* не выбивается из ряда подобных.

Pecoil ~ *Peçel*, рус. Пелдуши, дер. в Приютье, при оз. Печевском (вепс. *Peçeinejärv* ~ *Peçjäv*). В материалах XVI в. «деревня в Печевичах» (ПКОП 252). Несовпадение вепского и русского вариантов названия (*Pecoil* — Печеницы) — это, возможно, результат севернорусского неразличения фонем *ч* и *ц* (Аванесов 1949 : 123). Видимо, в одном ряду с этим топонимом можно рассматривать и приютский ойконим *Печевичы*, название современной русской деревни, в которой, однако, еще в послевоенные годы удалось зафиксировать образцы вепской речи (Хямяляйнен 1958 : 15—19). Вепский оригинал названия источники фиксируют несколько по-разному: *Pietsal* (Lönnrot 1902 : 223), *pešlad* (Nissilä 1947 : 13), *piesl*, *pešl* (Хямяляйнен 1958 : 15), тоже отражая, видимо, в какой-то степени результат влияния русского неразличения *ч* и *ц*. В качестве возможного источника этих ойконимов предлагаем прозвище **Pecoi*, **Peçei*, восходящее к вепс. *peçei* 'брюхо'. Ср. в Суйстамо (Приладожье) фамилия *Pötsönen* (Nissilä 1975 : 99), а также семантически однородный антропоним *Vatsa* (Nissilä 1975 : 138), подтверждающие принципиальную способность слов данного семантического гнезда к онимизации. Любопытен также антропоним *Максимко Печей* (Попов 1949 : 57).

И все-таки нет полной уверенности в достоверности предложенной этимологии, особенно в отношении второго ойконима. Недостаточно убедительны некоторые фонетические моменты, в том числе нестабильность *с* в вепском варианте и явное, не вызывающее сомнений «чочанье» в русском эквиваленте, наличие дифтонга в первом слоге, отмеченное некоторыми источниками. Дифтонгизация первого слога — характерная особенность печенского наречия (Хямяляйнен 1958 : 16), однако наличие дифтонга противоречит предложенной этимологии *peçei* 'брюхо'. Любопытно в связи с этим упомянуть ливвиковскую лексему *peçoi*, переносное обозначение ребенка (картотека KKS). Известно, что она употреблялась в качестве прозвища и в такой функции зафиксирована, к примеру, в начале века в Суйстамо, где прозвищем *Pietišu* называли человека маленького роста в отличие от *Suittšu* — человек большого роста (Linnakylä 1968 : 21). Аналогичное употребление можно предполагать и в вепском языке, которому свойственно образование существительных с помощью форманта *-č*, передающего сходство с тем, что выражено коренным словом: *koverič* 'горбун' от *kover* 'кривой'; *kuivič* 'тощий человек' от *kuiv* 'сухой' и т. д.

Terl, рус. дер. Тервиничи. Этот расположенный в Приютье «погост в Тервиничех» упоминается еще в приписке к Уставу Святослава Ольговича XIII в. Представляется правомерным предполагать в основе вепский антропоним **Āterv*, аналогичный фин. и кар. *Tervo*, *Terve* (Forsman 1894 : 127, 71), которые В. Ниссиля считает возможным возвести к апеллятиву *terva* 'смола' (ср. вепс. *terv* 'смола'), указывающему на вид деятельности (смолокурение) носителя антропонима — прозвища (Nissilä 1975 : 152). SN предлагает еще одну возможную этимологию, возводящую финскую фамилию *Tervanen* к прозвищу, указывающему на темный цвет волос (ср. фин. *Tervapää*). Видимо, обе интерпретации правомочны и для реконструированного вепского антропонима.

Vilhal ~ *Vilhal*, рус. Ярославичи, дер. на Ояти. В свое время этот ойконим попал в поле зрения А. В. Форсмана, который предполагал в его основе личное имя *Vilha*. В современном финском именовании *Vilha* — это неканонический вариант календарного *Vilhelmi*, однако уже сам Форсман высказывался в пользу того, что в основе топонима лежит скорее не упомянутое германское имя, а изначально свой, имею-

щий прибалтийско-финские истоки антропоним (*Vilha, Vilho, Vilhu*), который подобно многим другим не утратился при переходе к христианскому именослову полностью, а по созвучию стал восприниматься и употребляться в качестве неканонического, народного варианта календарного христианского личного имени. В качестве этимона для антропонима он предлагает фин. *vilha(ke)* 'быстрый, живой, подвижный человек' (Forstman 1894 : 76). Картотека KKS дает возможность при интерпретации антропонима исходить из семантики 'прямоствольная сосна' или 'прямой, длинный, стройный (обычно о сосне)', зафиксированной для *vilho* в южнокарельских диалектах. Во всяком случае подобная семантика не чужда прибалтийско-финской системе антропонимов — прозвищ. В общем контексте вепсской л-овой ойконимии отантропонимическая интерпретация для *Vilhal ~ Vilhal* логична и оправдана.

Чрезвычайно любопытно установить, существует ли какая-то связь интересующего нас антропонима с древним прибалтийско-финским этнонимом *Vinoviloth ~ Vinovilhot*. Анализируя его, Т. Пекканен реконструирует для конечного элемента *vilho* семантику 'клин', благодаря которой вводит его в общую систему прибалтийско-финских этнонимов, отражающих систему меновой торговли и указывающих на связанный с ней клинообразный знак — тамгу (Pekkanen 1984 : 128—134).

С известной долей вероятности антропонимические истоки можно предполагать и у некоторых других вепсских л-овых ойконимов — *Muljeil, Varbal, Ćikl, Ćagil* и т. п. Впрочем, окончательное решение и для этих, и для некоторых других ойконимов данного типа затруднено не только возрастом л-овой ойконимии и вызванными долгим временем функционирования возможными изменениями внутри нее, но и принципиальной возможностью образования топонимов по готовой модели. Последнее ведет к тому, что первоначально строго ограниченный круг топооснов, образующих л-овую ойконимию, мог со временем в результате образования названий по готовой популярной модели утратить четкие границы. К тому же теоретически не исключено, что уже изначально абсолютное господство антропонимов могло быть ограничено тем, что в названии однодворной деревни, давшей начало поселению, закреплялось не имя ее основателя или владельца, а лексема с другой семантикой, к примеру, отражающая географические или иные особенности местности. Среди последних ойконимы *Korbal* (рус. Корбиничи), ср. вепс. *kořb'* 'глухой лес'¹, *Murđola*, ср. вепс. *murd* 'водоворот'. И все-таки имеющийся в нашем распоряжении материал показывает единичность названий л-ового типа, образованных на основе неантропонимических мотивов номинации. Об этом же свидетельствует ойконимия смежной русской территории, имеющая вепсские истоки, но в результате обрусения населения приспособленная к нормам русского языка и местной русской топонимической системе. Привлечение ее позволяет значительно расширить список вепсских антропонимов, выявленных путем анализа вепсской л-овой топонимии.

Отметим сразу, что л-овое оформление топонимии на обрусевшей территории, т. е. усвоение названия как такового, встречается чрезвычайно редко. Практически этот тип ойконимов выделяется лишь в микрорегионе по среднему течению р. Паши и на прилегающей территории, где фиксируются названия поселений типа *Кожела, Канжела*,

¹ Небезынтересно, однако, существование в прибалтийско-финском именослове среди прочих антропонимов, восходящих к ландшафтным терминам, отражающим природные реалии, антропонима *Korpi* (Nissilä 1975 : 130; Kettunen 1955 : 257). Возможно, именно он (вепс. **Korb*) выступает в интересующем нас ойкониме *Korbal*, во всяком случае своеобразие ойконимов на -л (образование преимущественно, особенно в исторически более ранний период, от антропонимических основ) заставляет это учитывать.

Кайбола, Нуроля, Пудроль, Имолово, Мурдола. Чтобы не возвращаться к этому материалу, приведем несколько примеров отантропонимических расшифровок ойконимов указанной модели.

Имолово (вепс. **Himal*). Предлагаемый вепсский оригинал названия обусловлен слабой позицией начального фрикативного приб.-ф. *h*; ср. рус. *игна* < *hihna*, *ямря* < *hämärä*, *юдега* < *huudehe-* (Kalima 1919 : 41, 50). Он поддерживается и данными ономастиконов родственных прибалтийско-финских языков, которым известен антропоним *Hima, Himoï, Himo* (Forsman 1894 : 167) с семантикой 'желанный, ожидаемый (ребенок)'

Кайбола (вепс. **Kaib(o)l*). Заманчиво возвести ойконим к широко распространенной в древнем прибалтийско-финском мире группе имен с основой *Kaipa-*, восходящей к глаголу *kaivata* 'ждать, ожидать' (т. е. 'долгожданный, желанный ребенок'). По SN, имена с этой основой встречаются не только у финнов, но и у карелов, эстонцев, води. Ср. *Kaipa, Kaipia, Kaipio, Kaivas, Kaivo* (Forsman 1894 : 167, 179, 246; Nissilä 1975 : 124), в документах XIV—XVI вв. эст. *Caibas, Kaybi, Caibo, Keibo*, лив. *Kaybe, Kaiben* (Stoebke 1964 : 32—33), эст. *Kaibeste, Kawiste, Caibeste, Kaibe* (Kallasmaa 1985 : 17). Если предлагаемая этимология топонима верна, то мы имеем дело со следами бытования указанного антропонима и у вепсов.

Пудроль (вепс. **Pudrol', *Pudr(o)l, *Pudroil*). В основе названия восстанавливается вепсский антропоним *Pudr* (ср. вепс. *pudr* 'загуста, густая каша'). Есть свидетельства реального бытования указанного антропонима в вепсском именослове. Он зафиксирован, в частности, Л. Кеттуненом у южных вепсов (Kettunen 1943 : 271). Предлагаемая интерпретация поддерживается данными родственных прибалтийско-финских именословов: фин. *Putro* (Nissilä 1975 : 152), эст. *Pudru* (Pall 1977 : 177).

Здесь приведены лишь наиболее наглядные интерпретации. Очевидно, детальный анализ позволит реконструировать антропонимические основы и в некоторых других *л*-овых ойконимах бассейна Паши.

Сохранение *л*-ового оформления при русской адаптации — это, как уже отмечалось, исключение из общего правила; предстоит еще ответить на вопрос, почему образовался этот островок со своеобразной адаптацией вепсского оригинала на Паше, с какими этническими, историческими, лингвистическими процессами это связано. Общее же правило заключается в том, что усваиваясь русскими говорами, вепсская *л*-овая ойконимия претерпевает формальные изменения, в результате которых *л*-овый формант утрачивается и внешне приобретает вид русского ойконима. Способ адаптации не един для всего Межозерья. К примеру, в южновепсском ареале и на прилегающей к нему русской (обрусевшей) территории русские соответствия вепсских *л*-овых оригиналов оформляются в основном показателями *-ин* или *-ов/-ев* (*Saigl' — Чайгино*), которые не являются дифференцирующими, присущими исключительно этому типу ойконимов. Они не позволяют в массе оформленных данными формантами ойконимов безошибочно отличить *л*-овую ойконимию. Такой дифференцирующей силой обладает ойконимический показатель *-ичи* (и его «цокающий» вариант *-ицы*), присутствующий в названиях поселений русского Приюжья, Свирско-Оятского водораздела, на русской Капше: *Вачукинцы, Гонгиничи, Коковичи, Куневичи, Лембовичи, Лавиничи, Нюбиничи, Пахтовичи, Пижевичи, Рекиничи, Суббочиничи, Уштовичи, Шангеничи, Юбеничи* и др. В основе если не каждого, то большинства из них можно предполагать вепсский *л*-овый оригинал, что поддерживается несколькими моментами: во-первых, русскими соответствиями жи-

вых вепсских *л*-овых ойконимов этой территории (*Karhil* — *Каргиничи*, *Sondal* — *Шондовичи*, *Reboil* — *Ребовичи* и т. д.), во-вторых, характерным для русских ойконимов на *-ичи* отантропонимическим происхождением (см. Rospond 1937 : 209; Полковникова 1970 : 491—492). Семантическое родство вепсских ойконимов на *-л* и русских на *-ичи* не может остаться незамеченным и наводит на мысль о том, не явилась ли именно подобная семантическая контаминация основ причиной оформления суффиксом *-ичи* вепсской *л*-овой ойконимии при переходе последней в русское словоупотребление? Наконец, обращает на себя внимание и тот факт, что массово представленный в ойконимии низовий Ояти и Капши и в Присвирье формант *-ичи* (*-овичи*, *-иничи*) практически не присоединяется к русской основе (названия типа *Федотовичи*). В абсолютном большинстве случаев основы субстратны, причем часть явно перекликается с отантропонимическими основами вепсских *л*-овых ойконимов, ср. дер. *Раховичи* на Свирско-Оятском водоразделе и дер. *Rahkoil* (рус. *Раховичи*) в верховьях Капши, дер. *Juobenichi* на оз. Савозеро, в русском Приоятье и дер. *Hübjoil* (рус. *Юбеничи*) в верховьях Ояти, дер. *Коквичи* на русской Капше и дер. *Kokoil* в русском Приоятье. Все отмеченные моменты позволяют использовать ойконимию на *-ичи*, распространенную в северном Межозерье, наряду с *л*-овой вепсской ойконимией для реконструкции вепсского именовслова.

Валданицы, дер. в Приоятье. В основе названия восстанавливается вепсский антропоним (**Valta* > **Vald*), аналог широко известного в средневековом прибалтийско-финском мире личного имени *Valta*, *Valto* (Forsman 1894 : 165), восходящего к лексеме *valta* 'сила, мощь, господство'. Для данного антропонима характерно образование многочисленных производных (*Valto*, *Valtari*, *Valtama*), а также употребление в качестве составной части сложных прибалтийско-финских антропонимов (*Valtalempi*, *Ikävalta*, *Kaukavalta*, *Lempivalta*, *Kaikkivalta* и др.), и на этом основании В. Штёбке, реконструирующий систему древних прибалтийско-финских личных имен, относит его к числу выделенных им 23 древних имен, составляющих основу прибалтийско-финского именовслова (Stoebke 1964 : 130—135, 140). В этом контексте, видимо, должен рассматриваться и топоним *Валданицы*, законсервировавший в себе древнее вепское личное имя **Vald*.

Герпиничи, дер. в русском Приоятье. В качестве возможного вепсского этимона названия можно предложить антропоним прозвищного характера **Hörp-*, ср. вепс. *hörpötada* 'болтать (молоть языком)'. Возможность такой интерпретации поддерживается косвенно ливвиковским ойконимом *Hörppälä* (рус. *Герпяля*). Семантические аналоги зафиксированы по крайней мере в антропонимии Карельского перешейка, ср. *Hölpö ödhe* (*hölpöttää* 'говорить глупости'), *Hodari Höblänpoika* (*höplä* 'болтун'), *Höpötti Isakanpoika* (*höpöttää* 'бормотать, болтать') (Nissilä 1975 : 144—145). В литературе по финской ономастике обсуждается возможность германского источника антропонима *Herppa*, некалендарного варианта имени *Herman* (SN), впрочем, еще Форсман высказывался за прибалтийско-финские истоки ойконима *Herppa*, возводя его к апеллятиву *herppa* — одна из разновидностей тюленя (Forsman 1894 : 80) — и относя его к тем древним финским именам, которые при переходе к христианскому именовслова приобрели функцию неканонического варианта христианского имени. Видимо, и такую интерпретацию не следует полностью игнорировать, хотя для вепсской ойконимии первая этимология выглядит естественнее.

Гоморовичи, дер. на Свирско-Оятском водоразделе. Исходя из фонетических закономерностей русской адаптации прибалтийско-финских

топонимов в Присвирье, вепсский оригинал ойконима должен иметь вид **Hamagal*. Лексема *hamar*, выступающая в основе названия, в вепсском и других прибалтийско-финских языках обозначает обух топора, иногда ножа (SKES). Встает вопрос, может ли слово с подобной семантикой выступать в качестве антропонима. В прибалтийско-финской антропонимии есть примеры того, как семантически близкие лексеммы приобретают антропонимическую функцию (ср. упомянутый антропоним *Nyrhi*). Исходя из этого, надо полагать, что и антропоним *Hamar(a)* вполне возможен. Его бытование, между прочим, подтверждается данными письменных источников XVII в. по территории северного Приладожья и северной Финляндии: *Jormolka Hamarin, Gnutt Hammara, Matz Hamara, Jöns Hamara* и др. (SN). Расположенный в ареале бывшего вепсского расселения ойконим *Гоморовичи* может рассматриваться как свидетельство бытования антропонима *Hamar* и у вепсов.

Гуреничи, дер. на Капше. В качестве этимона названия можно предложить вепсский антропоним, соответствующий фин. *Hurja*, прозвищу отчаянного, буйного, неистового человека; ср. *Huria Mickel*, род *Hurja, Anders hurian* (Nissilä 1975 : 119, 146).

Имоченицы, дер. в низовьях Ояти. Реконструируемый вепсский оригинал топонима — **Himačal* — восходит к упомянутому в связи с *Имолово* древнему антропониму *Hima* в значении 'желанный, долгожданный', оформленному популярным в вепсской и карельской ономастике словообразовательным суффиксом -č (кар. -čču). Ср. в Приладожской Карелии фамилии *Ihatsu, Ivatsu, Karhatsu, Kauhatsu, Ohvatsu, Padatsu*, а также особенно показательный в этой связи зафиксированный тут же, в Приладожье, карельский ойконим (название дома) *himattšu* (Nissilä 1975 : 284). Судя по топонимическим фактам Приоатья антропоним *Hima(č)* имел распространение и в вепсской среде.

Курикиничи, дер. на Капше. Многочисленны свидетельства письменных источников и устной традиции о распространении антропонима *Kurikka, Kurik, Kuriku* в прибалтийско-финском мире — у финнов, карелов, эстонцев (Forsman 1894 : 247, 229; Stoebe 1964 : 41; Mägiste 1929 : 33; Simm 1973 : 187; Чистов 1958 : 371). В основе антропонима прибалт.-ф. *kurikka* 'дубина, колотушка для колки дров', известное и вепсам. В. Ниссиля называет данную основу в ряду тех антропонимов, которые образовались от лексем, содержащих указание на профессию или орудие труда (Nissilä 1975 : 152). Вполне возможен, однако, и мотив, связанный с переносным значением лексемы: вепс. *kurik* 'башка' (СВЯ), ср. ливв. *kurikkupeä* 'большая голова' (СЛН), *kurikkapeä* 'большоголовый ребенок' (KKS), люд. *kurikpiä, tširvoi* 'головастик' (LS). Судя по людиковским и ливвиковским материалам, хранящимся в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, слово характеризуется и дополнительным негативным оттенком 'пустоголовый'. В целом подобная семантика чрезвычайно благодатна для возникновения прозвища (ср. Nissilä 1975 : 138 и далее).

Ойконим *Курикиничи*, вепс. **Kurikal*, дает основание распространить сферу бытования рассматриваемого прибалтийско-финского антропонима и на вепсов, причем это основание подкрепляется по крайней мере еще одним фактом — микротопонимом *Kurikmägi* или *Kurikanmägi* (*mägi* 'горка') у южных вепсов.

Лембовичи, дер. на Капше. Для реконструкции вепсского оригинала и его этимона можно предложить две возможные интерпретации, ибо в древнем прибалтийско-финском именослове имелось по крайней мере две семантически разные группы имен с основой *Lemp-*: *Lempi, Lempeä, Lemmitty* (*lempi* 'любовь') и *Lempo* (*lempo*, вепс. *lemboi* 'не-

чистая сила, черт') (в прибалтийско-финских ономастических исследованиях они зачастую рассматриваются вместе (Форсман, Штёбке), ср., однако, отдельные словарные статьи в SN). Слово *lempi* не известно современным вепским говорам, но вряд ли это может служить достаточно надежным основанием для неприятия первого варианта: слово могло утратиться (ср. в связи с этим функционирование его в близкородственных языках южной Карелии) или же, что тоже нельзя упускать из виду, древнее личное имя могло сохраниться в качестве такого со времен прибалтийско-финского языкового единства, во всяком случае именно к этому времени возводят истоки антропонима специаллисты по прибалтийско-финской ономастике (Stoebke 1964 : 95—97). Второй вариант — *Lemboi* — тоже имеет право на существование; в его пользу свидетельствует антропоним *Лембоев* в материалах Писцовых книг по вепской территории (Попов 1949 : 57), а также сама принципиальная возможность антропонимизации семантически однородных лексем. На это указывают, например, антропонимы *Rahkoi*, упоминающиеся В. Ниссиля *Hiito, Kouko, Peikko, Tapio, Tursas* и др. (Nissilä 1975 : 128).

Мустиниччи, дер. на среднем течении р. Ояти. В основе названия реконструируется вепский антропоним **Must*, **Mustoi* (из вепс. *must* 'черный'), сопоставимый с фин. и кар. *Musta* (Nissilä 1975 : 142), эст. *Must, Musta* (Kettunen 1955 : 79, 255). Оно неоднократно фиксируется в письменных документах XVI—XVII вв., относящихся к территории восточной Финляндии, Карельского перешейка, Приладожья (SN), в Писцовых книгах Обонежской пятины *Иванко Мустар, Мустоев* (Попов 1949 : 57).

Пижевичи, дер. в составе с. Люговичи на Сви́рско-Оятском водоразделе. Для интерпретации ойконима полезно привлечь ономастические данные родственных прибалтийско-финских языков, ср. антропоним *Piidžu*, рус. *Пижуев*, в ливвиковском Приладожье (картотека KKS); дер. *Pižul*, рус. *Пижула*, в составе с. Вохтозеро Кондопожского района КАССР; дер. *Piñč ~ Piñž* в составе с. Шокша в вепском Прионежье, причем жители деревни носят фамилию *Пинжаков*. В основе приведенных онимов лежит явное прозвище, восходящее к ливв. *pidžu, pittšu*, вепс. *piñž* 'вульва (женский половой орган)'. В ряду этих же собственных имен должно, очевидно, рассматривать и ойконим *Пижевичи*. По-видимому, данная основа — не единственный пример антропонимизации лексем с аналогичной семантикой. Ср., к примеру, дер. *Präkkilä* (рус. *Пряккиля*) в Паданской Карелии, дер. *Präkkä* (рус. *Прякки*) в Пряжинском районе КАССР (СНМ 1933), восходящие к антропониму, имеющему в основе апеллатив *präkkö* 'вульва' (картотека KKS).

Русконицы, дер. в северном Прио́ятье. А. Альквист, посетивший деревню в середине XIX века, застал ее еще населенной вепсами и зафиксировал вепский оригинал топонима — *Rusttala* (Tunkelo 1946 : 5), а вернее **Rusttal*. В основе ойконима вепский антропоним **Rusked*, который, в свою очередь, восходит к апеллативу *rusked* (вепский вариант названия определяется основой косвенных падежей слова: *rusked* : *rusttan*) 'красный, румяный, красивый'. В. Ниссиля, анализируя аналогичные антропонимы *Ruske, Ruskia, Ruskiainen*, считает, что их возникновение обусловлено цветом волос или бороды носителя прозвища (Nissilä 1975 : 142). Семантика вепской лексемы не исключает и другую интерпретацию — 'красивый, румяный'; ср. в связи с этим северновепскую «уличную» фамилию *Käbedahne* (вепс. *käbed* 'красный, красивый').

Очевидно, не все приведенные интерпретации в равной степени убе-

дительно, однако общий вывод о возможности использования л-овой ойконимии для выявления древней системы именования вепсов не вызывает сомнения.

Будучи достаточно широко представленными в этом типе ойконимов, исконно вепсские антропонимы, как свидетельствует материал, практически полностью отсутствуют в других ойконимических типах и чрезвычайно немногочисленны на микропонимическом уровне, где предпочтение отдается календарным именам. По-видимому, этот факт увязывается с возрастом л-овой ойконимии и является одним из критериев ранней активности данного ойконимического типа по сравнению с другими разновидностями наименований поселений. Микропонимия же, отличаясь достаточной подвижностью и изменчивостью, очевидно, с течением времени утратила старую антропонимию, заменив ее более актуальными календарными именами.

Реконструируемая система вепсских антропонимов включает и единицы, которые могут квалифицироваться как личные имена, и несомненные прозвища. Этимологические изыскания показали, что далеко не все восстановленные с привлечением данных родственных именословов вепсские личные имена имеют в вепсском языке апеллятивные этимоны. По-видимому, даже с учетом того, что в процессе исторического развития язык претерпевает изменения, в частности, утрачивает определенные лексемы (так что этимоны некоторых антропонимов могли просто выпасть из вепсских говоров), надо признать для определенных антропонимов возможность не непосредственно вепсских, но более глубоких прибалтийско-финских истоков. Во всяком случае некоторые вепсские имена, отразившиеся в вепсской л-овой ойконимии, имеют соответствия в реконструированной Д.-Е. Штёбке прафинской системе личных имен (**Kok(k)o*, **Lempo*, **Valta*). Не всякий оным, таким образом, есть свидетельство былого распространения в языке апеллятива-этимона.

Представленный путь реконструкции вепсского дохристианского (нехристианского) именослова даже при условии этимологизации всех известных л-овых ойконимов не даст полных сведений о древнем вепском именослове. Однако он создает благодатную основу для дальнейших изысканий и, дополненный материалом других возможных источников консервации древних имен, позволит представить в адекватном виде систему старых вепсских антропонимов.

Сокращения

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг., Ленинград 1930; **СНМ 1933** — Список населенных мест (по материалам переписи населения 1933 г.), Петрозаводск 1935; **KKS** — *Karjalan kielen sanakirja*, 1—3, Helsinki 1968—1983; **LS** — *Lyydiläismurteiden sanakirja. Toimittanut ja julkaissut Juho Kujola*, Helsinki 1944; **SN** — *Suomalainen nimikirja*, Keuruu 1984 (*Suomen kielen sanakirjat* 6).

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. 1949, Очерки русской диалектологии, часть I, Москва.
 Муллонен И. И. 1987, Прибалтийско-финский l-овый формант в вепсской ойконимии. — XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Языковедение. Тезисы докладов, Устинов, 158—159.
 Мюллер Р. Б. 1947, Писцовые книги Карелии XVI—XVII вв., вып. I. Книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582—1583 гг. и книга Лопских погостов 1597 г., Петрозаводск (Рукопись в архиве Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 41, № 44).

